

ВѢСТНИКЪ ВОЕННАГО ДУХОВЕНСТВА,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПО УТВЕРЖДЕННОЙ СВЯТѢЙШИМЪ СУНОДОМЪ ПРОГРАММѢ.

Цѣна годоваго изданія, выходящаго 1-го и 15-го числа каждаго мѣсяца, въ размѣрѣ не менѣе 2-хъ печатн. листовъ, 3 р., съ доставкою въ С.-Петербургъ и пересылкою во всѣ гоюда Имперіи. — За пересылку за границу добавляется къ подписной цѣнѣ 2 руб.

Подписка въ разсрочку не допускается.

Подписка, статьи и разнаго рода объявленія принимаются въ Канцеляріи Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства, С.-Петербургъ, Воскресенскій проспектъ, домъ № 18.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Отношеніе Предѣдателя православнаго миссіонерскаго общества, высокопресвященнаго митрополита Московскаго Владимира, отъ 5 сентября 1903 г. за № 775, на имя о. Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства.

Ваше Высокопреподобіе,

Высокопреподобнѣйшій Отецъ Протопресвитеръ.

На основаніи опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 13-го декабря 1887 г. 8-го января 1888 года за № 2717, препровождаю вмѣстѣ съ симъ «1280» экземпляровъ воззваній Миссіонерскаго общества и надписей для сборныхъ блюдъ, покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе сдѣлать распоряженіе о томъ, чтобы: 1) сіи воззванія были выставлены въ соборахъ и церквахъ (въ притворахъ) вѣреннаго Вамъ вѣдомства въ теченіе первой седмицы св. Четырнадцатини, будущаго 1904 года; 2) въ недѣлю Православія былъ произведенъ во всѣхъ церквахъ тарелочный сборъ на распространеніе св. вѣры Христовой между язычниками Имперіи, при чемъ къ блюдамъ должны быть прилагаемы вышеупомянутыя надписи; 3) въ недѣлю Православія о.о. Настоятелями соборовъ и церквей Вашего вѣдомства были произнесены

поученія о миссіонерскомъ дѣлѣ, напечатанныя въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ началѣ 1888 и 1889 годовъ, или же составленныя по ихъ образцу самими проповѣдниками и 4) собранныя пожертвованія были Вами препровождены въ Совѣтъ общества въ теченіе великаго поста отдѣльно отъ сборовъ по подписнымъ листамъ.

Вмѣстѣ съ симъ, имѣя въ виду, что во всякое время года могутъ явиться жертвователи на святое дѣло Православнаго Россійскаго Миссіонерства, покорнѣйше прошу Ваше Высокопреподобіе снабдить для сей цѣли о.о. Настоятелей соборовъ и церквей Вашего вѣдомства подписными листами, коихъ препровождается 570 экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобы, по окончаніи года, эти листы съ собранными по нимъ пожертвованіями были также препровождены въ Совѣтъ Общества.

Призывая на Васъ благословеніе Божіе, имѣю честь быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшимъ слугою,

Владимиръ, Митрополитъ Московскій.

Военному духовенству къ исполненію.

Протопресвитеръ Александръ *Желобовскій*.

Изъ приказа по войскамъ 19-го армейскаго корпуса.

№ 78.

Гор. Брестъ-Литовскъ сентября 1-го дня 1903 года.

При сборѣ войскъ передъ маневрами въ гор. Красновѣ, я присутствовалъ на всеобщемъ бдѣніи въ полковой церкви 67-го пѣх. Тарутинскаго полка, ветхой, но внутри хорошо обставленной усердіемъ командира полка полковника *Соболева* и г.г. офицеровъ полка. Стройность пѣнія, благолѣпное служеніе, громкимъ внятнымъ голосомъ, священника отца *Сергѣя* и забота его о церкви и своей паствѣ побуждаютъ меня просить отца *Сергѣя Георгіевскаго* принять выраженіе моей благодарности.

Подлинный подписалъ:

Командиръ корпуса,

Генераль-Лейтенантъ *Крюковъ*.

Заявленіе добрыхъ чувствъ паствы къ своему пастырю — военному священнику Стефану Мамитову.

Съ глубокимъ сожалѣніемъ разставаясь съ Вами по случаю послѣдовавшаго перевода вашего въ 260-й пѣх. резервный Ардаганскій полкъ, отъ лица службы приношу искреннюю благодарность за вашу ревностную службу въ баталіонѣ. За свою продолжительную, въ теченіе 16 лѣтъ, службу вы заслужили глубокое уваженіе и искреннюю любовь своей паствы. Проявляя всегда особенное усердіе въ религіозно-правственномъ воспитаніи всѣхъ чиновъ баталіона, а также будучи всегда отзывчивымъ къ горю каждаго изъ чиновъ, вы всегда совѣтами и наставленіями поддерживали ихъ въ тяжелыя минуты.

Неуспынными заботами о благолѣпіи баталіонной церкви вы украсили ее нѣсколькими кіотами и образами.

Желаю Вамъ отъ лица всего баталіона на новомъ мѣстѣ служенія снискать такую же искреннюю любовь и уваженіе паствы, какою вы пользовались во ввѣренномъ мнѣ баталіонѣ.

Командиръ Перваго Кубанскаго Пластунскаго баталіона

* * *

Дорогой Батюшка,

о. Стефанъ Борисовичъ!

Присылаемъ при семъ золотыя часы съ такою же цѣпью.

Примите, дорогой Батюшка, ихъ отъ насъ на память въ знакъ глубокаго уваженія и чистосердечной любви къ Вамъ. Простите насъ за скромность подарка. Молимъ Господа Бога ниспослать Вамъ, на многія лѣта, здоровья и духа бодрости для распространенія мира и любви въ новомъ мѣстѣ Вашего служенія.

Остаемся искренно любящія и глубокоуважающія Васъ, Ваши духовныя чада:

(Слѣдуютъ подписи).

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Внѣбогослужебная бесѣда о воспитаніи дѣтей.

Отцы, не раздражайте дѣтей вашихъ, но воспитывайте ихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (Ефес. VI, 4).

Въ настоящее время у насъ образовались цѣлыя науки о воспитаніи дѣтей (педагогика и дидактика), исписаны сотни томовъ на эту же тему, издается бездна книгъ, трактующихъ о воспитаніи и обученіи дѣтей, и все же большинство изъ насъ, положи руку на сердце, скажетъ, что мы не умѣемъ, какъ должно, воспитывать своихъ сыновей и дочерей, не умѣемъ сдѣлать ихъ хорошими христіанами. Не мнѣ конечно—при моихъ слабыхъ дарованіяхъ и познаніяхъ—рѣшать трудный вопросъ, отъ чего это происходитъ, т. е. отъ чего наука двигается впередъ, а воспитаніе юношества и нравственное состояніе людей дѣлается все хуже и хуже, но какъ пастыръ, я долженъ хотя въ общихъ чертахъ намѣтить вамъ, братіе, тѣ средства, коими легче и доступнѣе каждому отцу и каждой матери воспитать дѣтей своихъ въ духѣ христіанскаго ученія и этимъ облагородить ихъ характеръ; я обязанъ указать на тѣ стороны дѣтской души, на которыя всѣ, кому Богомъ и обществомъ ввѣрено воспитаніе «малыхъ силъ», должны преимущественно обратить свое вниманіе.

Но прежде всего предоставимъ слово о воспитаніи знаменитѣйшему изъ отцовъ Православной Церкви Іоанну Златоустому, могучій талантъ и святая жизнь котораго служатъ лучшимъ ручательствомъ справедливости его сужденій.

«Не безразсудно-ли, говоритъ этотъ святой отецъ, учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ въ училища, ничего не жалѣть для ихъ образованія, а о воспитаніи въ наставленіи и ученіи Господнемъ не заботиться? За то-то мы первые и пожинаемъ плоды такого воспитанія дѣтей своихъ, видя ихъ дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными!... Не такъ нужно образовывать сына, преподавая ему науки и внѣшнія знанія, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги, сколько научить его искусству презирать деньги. Богатъ не тотъ, кто владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать

сына извѣстнымъ по виѣшней учености и доставить ему славу, но старайся о томъ, чтобы научить его быть равнодушнымъ къ славѣ настоящей жизни: отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе. Это возможно сдѣлать и богатому и бѣдному, этому научаются не отъ свѣтскихъ учителей и не при пособіи наукъ, а изъ Божественныхъ Писаній... По самой гибкости своего ума дѣти болѣе, чѣмъ взрослые, способны принимать и сохранять впечатлѣнія. Какъ мягкій воскъ легко принимаетъ черты на немъ напечатлѣваемыя, такъ и дѣти принимаютъ впечатлѣнія безъ большихъ усилій. Въ этомъ возрастѣ на всю жизнь вкореняются наклонности добродѣтельныя или порочныя. Если дѣти заблаговременно привыкнутъ къ добрымъ чувствамъ, то можно надѣяться, что они и послѣ не уклонятся ко злу». (Беседа 2.—на Иоанна).

Эти справедливыя слова великаго христіанскаго учителя показываютъ намъ, что родители не должны ограничиваться однимъ только обученіемъ своихъ дѣтей въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, но обязаны главнымъ образомъ имѣть въ виду нравственное воспитаніе своихъ чадъ и развитіе въ нихъ добрыхъ навыковъ, и такое воспитаніе должно начинаться съ самаго ранняго возраста нашихъ дѣтей, т. е. съ того момента, когда у нихъ начнетъ пробуждаться самосознаніе. Какими же средствами лучше достигнуть этого?

Дѣти, особенно въ раннемъ возрастѣ, переимчивы: они часто заимствуютъ у взрослыхъ не только манеры, слова, но и цѣлыя обороты рѣчи, и вообще во всемъ стараются подражать взрослымъ. Кромѣ того, дѣти, сознавая свое невѣдніе, всегда обращаются къ окружающимъ ихъ старшимъ, а преимущественно къ родителямъ за объясненіемъ того, что для нихъ непонятно, они же, чувствуя свою слабость, часто ищутъ защиты и опоры у отца и матери. Пусть же родители воспользуются этимъ естественнымъ влеченіемъ дѣтей и, при каждомъ удобномъ случаѣ, направляютъ дѣтскую любознательность къ полезному и доброму, просто и убѣдительно выясняя имъ, что хорошо и желательно, а что вредно и опасно.

Какъ во время мятежей и снѣжныхъ заносовъ, возчики обозовъ пускаютъ впередъ только сильную и знающую дорогу лошадь, которая, пробивая слѣдъ, показываетъ путь остальному обозу, и прочія лошади только идутъ по ея слѣдамъ, и какъ въ журавлиномъ стадѣ, при перелетахъ ихъ въ дальніе края, впереди всегда смѣло и гордо слѣдуетъ опытный, знающій направленіе дороги журавль; такъ и впереди семьи долженъ всегда идти

глава семьи, своею собственною жизнію показывая добрый примѣръ нравственной жизни и трудолюбія своимъ дѣтямъ, а дѣтямъ нетрудно будетъ научиться доброму и полезному у своихъ родителей. Оно и понятно: слабыя дѣтскія головки не могутъ еще дѣлать строгаго разбора между добромъ и зломъ, онѣ еще не въ силахъ уразумѣть путемъ строгихъ логическихъ выводовъ, почему въ данномъ случаѣ надо поступать такъ, а не иначе, а подражать примѣру старшихъ не только доступно дѣтскимъ силамъ, но и вполне естественно въ ихъ возрастѣ. Не даромъ же блаженный Иеронимъ говоритъ: «что лучше можно научить дитя примѣромъ «нежели словомъ». Вѣдь душа дитяти, что чистый воскъ, изъ котораго можно вылѣпить что угодно—и худое и доброе, дѣтскія душа подобна молодому деревцу, которое можно и искривить и заставить расти прямо и красиво. Всѣ родители и воспитатели должны помнить это и ни на минуту не упускать изъ виду того обстоятельства, что ничѣмъ нельзя такъ живо подѣйствовать на душу ребенка, воспримчивую и впечатлительную, какъ примѣромъ старшихъ. Особенно же неотразимо вліяетъ на чистыя души дѣтей примѣръ ихъ матери. Вотъ что, на примѣръ, говоритъ по этому поводу одинъ учитель Церкви: «любезнѣйшая мать! Я вѣчно останусь твоимъ должникомъ. Когда я замѣчалъ твое хожденіе предъ Богомъ, твои страданія, твое молчаніе, твои дары, твои труды, твою благословляющую руку, твою тихую, постоянную молитву, тогда, съ самыхъ раннихъ лѣтъ, каждый разъ какъ бы вновь возрождалась во мнѣ жизнь духа, чувство благочестія, и этого чувства не могли послѣ истребить никакія сомнѣнія, никакія обольщенія, никакіе вредные примѣры, никакія страданія, никакія притѣсненія. Еще живешь во мнѣ жизнь духа, хотя прошло болѣе сорока лѣтъ, какъ ты оставила временную жизнь».

И каждый изъ насъ, вѣроятно, подмѣчалъ, что нѣкоторыя слова и поступки старшихъ, особенно родителей, оставляли въ душѣ слѣды воспоминаній на всю жизнь. Вотъ почему глубокой знатокъ человѣческаго сердца Спаситель Христосъ, предостерегая насъ противъ опрометчивыхъ поступковъ и соблазновъ, которые, къ сожалѣнію, мы часто подаемъ своимъ дѣтямъ, говорить: *горе міру отъ соблазновъ, и кто соблазнитъ единого изъ малыхъ сихъ, върующихъ въ Меня, тому лучше было-бы, если бы ему повѣсили мельничный жерновъ на шею и потопили его въ глубинѣ морской. Смотрите же не презирайте ни единого изъ малыхъ сихъ* (Матѣ. 18 гл. 6—7, 10).

У дѣтей очень рано обнаруживается любопытство и желаніе знать все окружающее. Вотъ эту-то пытливость ума родители и воспитатели, путемъ простыхъ и доступныхъ дѣтскому пониманію бесѣдъ, и должны направить въ добрую сторону. Древніе христіане начинали воспитаніе дѣтскаго ума внушеніемъ ему правильныхъ понятій о Богѣ-Творцѣ міра и Спасителѣ людей. Когда одного христіанскаго мальчика язычники-мучители спросили, откуда онъ знаетъ, что Богъ единъ, онъ отвѣчалъ: «этому научила меня мать моя; когда я качался въ колыбели, тогда она еще научила меня вѣровать во Христа».

Начавъ хоть съ бесѣды о томъ, отъ Кого люди получаютъ свою жизнь, здоровье и всякія блага, отъ Кого произошла земля, вода и проч., можно постепенно въ разказахъ внушить дѣтямъ понятіе о Богѣ, какъ Создателѣ вселенной и Промыслителѣ о благѣ людей. А, указывая дѣтямъ, что они дурно дѣлаютъ, если ссорятся между собою, если любятъ, чтобы ихъ хвалили, или если они хвастаются чѣмъ нибудь, и сравнивъ ихъ поступки съ поведеніемъ болѣе скромныхъ и благовоспитанныхъ дѣтей, не трудно сообщить ребенку довольно вѣрное представленіе о томъ, что хорошо, что дурно, что надо дѣлать, а чего надо избѣгать всѣми силами. Заставляя же дѣтей высказываться, какъ они думаютъ о томъ или о другомъ предметѣ и явленіи, доступномъ ихъ наблюденію, и исправляя ошибки ихъ разсужденій, этимъ простымъ способомъ возможно приучить дѣтей здраво разсуждать о различныхъ предметахъ. При развитіи дѣтскаго ума необходимо обращать самое серьезное вниманіе на выборъ книгъ для чтенія дѣтямъ, потому что неразборчивое чтеніе книгъ вообще вредно, а чтеніе книгъ безнравственнаго содержанія вноситъ въ чистую дѣтскую душу грязь, несвойственныя юному возрасту желанія и знакомство съ такими явленіями человѣческой жизни, отъ которыхъ надо убѣгать всякому порядочному человѣку.

«Дѣти—многожелательны», и чего они желаютъ, то хотятъ и выполнить, но чтобы правильно воспитать и облагородить дѣтскую волю, нужно показать дитяти, путемъ его собственнаго опыта и опыта другихъ дѣтей, какъ дурно и опасно дѣлать что-нибудь безъ позволенія старшихъ, а иначе дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, какъ показываютъ многочисленныя наблюденія, дѣлаются своевольными. А что-бы направить ихъ волю къ добру, слѣдуетъ приучать дѣтей къ терпѣнію, къ уступчивости другимъ, очень полезно заставлять дѣтей раздавать милостыню нищимъ, развивать въ

нихъ почтительность къ старшимъ, а особенно — къ старикамъ и духовнымъ лицамъ, строго наблюдая за этимъ.

Приучая ребенка терпѣніемъ побѣждать свои дурныя наклонности, и внушая ему любовь къ добру и правдѣ, родители выработаютъ изъ него человѣка съ доброй душой, сильнымъ характеромъ и твердой волей, способнаго смѣло пойти на встрѣчу всѣмъ житейскимъ бурямъ.

Сердце человѣческое, пока люди не согрѣшили, всѣми своими чувствами стремилось къ идеальнымъ, освященнымъ благодатию Божіей предметамъ и находило удовольствіе въ удовлетвореніи высокими и чистыми стремленіемъ человѣческой природы, но когда грѣхопаденіе разорвало союзъ Бога съ людьми, то и сердце наше стало стремиться къ удовлетворенію низшихъ чувственныхъ желаній. Но христіанское ученіе требуетъ, чтобы мы не допускали этого, и въ самомъ корнѣ уничтожали порочныя желанія своего сердца.

Лучшимъ средствомъ для воспитанія добрыхъ чувствованій въ сердцѣ является «церковность», т. е. храмъ съ его торжественнымъ богослуженіемъ, гармоничнымъ пѣніемъ и молитвеннымъ настроеніемъ предстоящихъ. Здѣсь «мать, предметъ всей любви и нѣжности дитяти, стоитъ съ благоговѣйнымъ выраженіемъ лица и молится предъ иконою: дитя посмотритъ то на нее, то на образъ — и не нуждается въ длинныхъ объясненіяхъ того, что это значитъ» (Амвросій Хръков.). Стоя въ храмѣ, гдѣ всѣ чинно и внимательно совершаютъ свои молитвы, гдѣ стройное пѣніе, каженіе ладомъ и возгласы священнослужителей призываютъ всѣхъ къ сосредоточенной и горячей молитвѣ, дитя и само невольно поддается этому искренне-религіозному настроенію молящихся и въ его невинной душѣ пробуждаются лучшія и святѣйшія чувства, укрѣпляющія его чистую вѣру и просвѣщающія незлобивое дѣтское сердце. Дитя, постоянно посѣщая храмъ Божій, особенно приходя въ возрастъ, можетъ глубоко запечатлѣть въ своей отзывчивой душѣ слышанныя здѣсь наставленія пастырей и слово Божіе, «живое и дѣйственное», и возгрѣтъ въ своемъ сердцѣ живую вѣру и пламенную любовь, возбуждаемую дѣйствіемъ «глаголовъ жизни», и этимъ путемъ возродиться въ человѣка Божія «на всякое благое дѣло уготованнаго» (2, Тиме. III, 17—17). Не даромъ же великіе праведники такъ пламенно желали посѣщать храмъ Божій и находили его лучшимъ мѣстомъ для своего воспитанія: *Коль возлюблена селенія Твоя, Господи силъ! желаетъ и стремится душа моя во двory Господни* (Псал. 83, 2—3),

говорить святой Псалмопѣвецъ. Святой Григорій Богословъ увѣряетъ, что для него любимой дорогой была та, которая вела въ церковь. Пресвятая Богородица, Честивѣйшая Херувимовъ и Серафимовъ, съ трехъ до четырнадцати лѣтъ жила при храмѣ.

Если родители воспользуются указанными въ этой бесѣдѣ средствами для воспитанія ума, воли и сердца своихъ дѣтей, то дѣти до гроба не забудутъ, кому они обязаны всею, что есть лучшаго и благороднѣйшаго въ ихъ характерѣ, и это навѣки укрѣпитъ въ сердцахъ чадъ нашихъ любовь и преданность къ своимъ родителямъ.

Закончимъ нашу бесѣду молитвой Тому, отъ Котораго «устраиваются стопы человѣку.» Господи! просвѣти нашъ умъ свѣтомъ евангельскаго ученія Твоего, волю—желаніемъ исполнять святые заповѣди Твоя и сердце—тою чистою, пламенною любовью, которую Ты Самъ показалъ намъ на крестѣ. Аминь.

Ташкентскаго военнаго госпиталя священникъ Михаилъ Омелюсгій.

ЖИЗНЬ СПАСИТЕЛЯ НАШЕГО ГОСПОДА ИСУСА ХРИСТА ¹⁾.

(Продолженіе).

Иисусъ Христосъ на судѣ у Ирода.

Отъ дворца Пилата по шумнымъ, узкимъ улицамъ города стража повела Христа къ другому дворцу, занимаемому Иродомъ.

Тетрархъ Галилейскій Иродъ Антиппа, на судѣ котораго вели теперь Спасителя, былъ тотъ самый деспотъ, который, въ угодность плясавицъ, лишилъ жизни Іоанна Крестителя. Это былъ низкій и развратный саддукей-идумеянинъ. Слыша весьма много о Христѣ, о Его ученіи и чудесахъ, онъ радъ былъ видѣть Его.

Гордый правитель надѣялся, что изъ уваженія къ его царскому достоинству галилейскій Пророкъ непременно постарается показать предъ нимъ все чудеса Своего могущества. Посланные Пилата и члены Синедриона рассказали ему—въ чемъ было дѣло. Но Иродъ и не думалъ вовсе заниматься изслѣдованіемъ его. Не обращая вниманія на обвинителей Христа, онъ множествомъ вопросовъ самаго празднаго любопытства забросалъ Его.

¹⁾ См. «Вѣстникъ Военнаго Духовенства» № 21.

Христось не показаль даже и вида, что расположенъ удовлетворить его желаніе. Такое невниманіе со стороны Христа оскорбило правителя. Обманутый въ своихъ надеждахъ, не получивъ удовлетворенія своему любопытству, Иродъ съ толпою любимцевъ своихъ сталъ издѣваться надъ Христомъ. Полетѣли острыя насмѣшки, язвительныя укоризны, грубыя шутки. Въ заключеніе, насмѣхаясь надъ мессіанскимъ достоинствомъ Христа, Иродъ одѣлъ Его въ длинную, свѣтлую одежду, носимую только людьми самаго высокаго званія, и въ такомъ видѣ велѣлъ вести къ Пилату. Отплачивая учтивостію за учтивость, и шутливо относясь къ обвиненіямъ первосвященниковъ, онъ представлялъ исходъ дѣла на его усмотрѣніе. Такъ — во второй разъ кроткій Агнецъ Божій подвергнутъ былъ поруганію.

Возвращеніе Христа Иродомъ разстроило хитрые планы Пилата, желавшаго отклонить отъ себя разборъ непріятнаго дѣла. Смущенный, недовольный, вышелъ онъ опять къ народу и, сѣвъ на своемъ судейскомъ мѣстѣ, началъ судъ. Члены Синедріона, а также толпа народа, интересующаяся ходомъ дѣла, окружили его; безмолвный, съ поникшей головою стоялъ тутъ и Христось.

Пилать повелъ такую рѣчь къ обвинителямъ.

«Вотъ вы привели ко мнѣ человѣка, какъ возмутителя народа, сказалъ онъ, обращаясь къ членамъ Синедріона, но я при васъ спрашивалъ Его и ничего преступнаго въ Его дѣйствіяхъ не оказалось. Не нашелъ Его виновнымъ также и Иродъ, къ которому я посылалъ Его. Итакъ, наказавъ, я отпущу Его». Ловкій политикъ имѣлъ въ виду, что наказаніе Христа удовлетворить Его обвинителей. Опасаясь народнаго возстанія и не желая озлоблять вліятельную и мстительную іудейскую знать, онъ готовъ былъ пойти на уступки. Смѣтливые члены Синедріона тотчасъ замѣтили колебанія Пилата. Еще рѣшительнѣе и неуступчивѣе объявили они, что кромѣ смертной казни ничѣмъ они удовлетворены быть не могутъ.

Пилать былъ въ явной нерѣшимости, не зная, что предпринять, но поднявшійся шумъ народа вывелъ изъ недоумѣнія. Праздная толпа простого народа, не обращая вниманія на замыслы своихъ старѣйшинъ, начала, согласно существующему обычаю, требовать пасхальнаго дара, каковымъ считалось освобожденіе ради праздника одного изъ преступниковъ, по желанію народа. Въ буйныхъ крикахъ толпы ему слышалось имя Вараввы. Дерзкое требованіе народа, въ другое время могущее сильно раздражить Пилата, теперь показалось ему какъ нельзя болѣе кстати; оно

представляло ему способъ выйти изъ затрудненія. Сообразивъ мгновенно все, Пилать обратился къ народу и сказалъ: «хорошо, съ готовностью исполню вашу просьбу. Слышно, что вы хотите просить о Вараввѣ, но я предлагаю на выборъ и другого. Хотите ли, отпущу вамъ Царя іудейскаго?»

Могъ ли онъ думать, что іудеи невинному Христу предпочтутъ какого либо разбойника или убійцу! Еще такъ недавно тысячи голосовъ привѣтствовали Его криками: «осанна», открыто выражая Ему свою любовь. Такой поступокъ казался Пилату невѣроятнымъ. «Не Его, раздались голоса, нѣ Его, но Варавву». Варавва былъ важный преступникъ, который за мятежи и убійства сидѣлъ теперь въ темницѣ, ожидая казни. Требуя смерти Того, Кто былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, народъ кричалъ объ освобожденіи разбойника и убійцы. Явная злоба противъ Христа, неожиданность требованія и сознаніе необходимости выполнить его, снова привели Пилата въ крайнее замѣшательство.

Въ это время жена Пилата Клавдія Проскула прислала къ нему служителя съ тайною просьбой не осуждать Узника, такъ какъ она видѣла тревожный, мучительный сонъ объ этомъ Праведникѣ. Это предостереженіе жены тѣмъ сильнѣе должно было подѣйствовать на Пилата, что согласовалось съ убѣжденіями его собственнаго сердца.

Съ истинною радостію желалъ бы высокоумный римлянинъ настоять на своемъ. Съ удовольствіемъ прогналъ бы онъ ненависныхъ обвинителей, но чувство страха за свои прежнія вины дѣлало невозможнымъ исполненіе его желаній. Пилать зналъ, что надъ головою его висѣли тяжкія обвиненія. Съ презрѣніемъ выслушавъ ихъ выборъ и разсчитывая все таки найти въ толпѣ сколько либо безпристрастныхъ, справедливыхъ, готовыхъ защищать Христа, личностей, онъ сказалъ: «кого хотите, чтобъ я отпустилъ вамъ, Варавву, или Иисуса, называемаго Христомъ» (Мѡ. 27, 17). Но увы! Подстрекаемый своими вождями, народъ опять шумно потребовалъ освобожденія Вараввы.

Въ замѣшательствѣ, недоумѣвая, Пилать спросилъ: «что же мнѣ дѣлать съ Царемъ іудейскимъ»? Тогда впервые раздался крикъ: «распи, распи Его»? «Какое же Онъ зло сдѣлалъ»? воспользовавшись первымъ затишьемъ, спросилъ Пилать. «Я, наказавъ, отпущу Его».

Руководимая книжниками и фарисеями толпа все сильнѣе оглашала воздухъ своими криками: «смерть Ему. Отпусти намъ Варавву!» Пилать, уступилъ: онъ далъ повелѣніе освободить Варавву, Христа же предалъ бичеванію.

Бичеваніе служило приготовленіемъ къ казни. Но не таковы были планы Пилата. Не находя возможнымъ ничего болѣе сдѣлать для освобожденія Христа силою власти, онъ рассчитывалъ спасти Его чрезъ наказаніе. Онъ надѣялся, что страшное бичеваніе смягчитъ каменные сердца враговъ Христа, но ошибся.

Бичеваніе было однимъ изъ самыхъ страшныхъ, возмущающихъ душу, наказаній. Имъ наказывали только за важныя преступленія; большею частію предъ совершеніемъ смертной казни. Несчастнаго страдальца раздѣвали, привязывали къ столбу и затѣмъ били по спинѣ кожаными плетями съ налитыми свинцомъ концами. Это наказаніе было настолько жестоко, что многіе подъ ударами бичей лишались чувствъ и умирали. Такимъ то наказаніемъ Пилатъ хотѣлъ разжалобить враговъ Иисуса.

Воины, вслѣдствіе приказанія Пилата, отвели связаннаго Иисуса на прокураторскій дворъ и стали ругаться надъ Нимъ.

Чтобы потѣшиться надъ Царемъ іудейскимъ, они на обнаженное, открытое ранами, тѣло Господа набросили ветхую, негодную къ употребленію эпанчу, застегнувъ ее на лѣвомъ плечѣ блестящей застѣжкой. На голову Христа возложили терновый вѣнецъ, а въ руки Его, вмѣсто скипетра, вложили тростниковую палку. Послѣ такого облаченія, опять начались поруганія. Падая предъ нимъ на колѣна, мучители говорили: «радуйся, Царю іудейскій!» Затѣмъ каждый, дерзко плюнувъ Христу въ лицо, бралъ изъ руки Его трость и билъ Его по головѣ.

Кто не содрогнулся бы, увидѣвъ это зрѣлище!

Наконецъ издѣвательство кончилось. Пилатъ приказалъ вывести Христа на судилище. Измученный, съ окровавленнымъ, полуоткрытымъ багрянницей тѣломъ, съ колючимъ на головѣ вѣнцомъ, вышелъ Христосъ.

Видъ невиннаго Страдальца потрясъ Пилата до глубины души. «Се человекъ!»! вскрикнулъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Но каменное сердце Христовыхъ враговъ не тронулось. Опасаясь, чтобы жалостный видъ Христа не возбудилъ состраданія въ народѣ, они еще неистовѣе закричали: «распи, распи Его!»!

Такая жестокость возмутила Пилата.

«Возьмите вы Его и распните, а я не нахожу въ Немъ вины», полный негодованія и презрѣнія сказалъ онъ. Пилатъ заявляетъ, что онъ, прокураторъ, рѣшительно отказывается утверждать несправедливый приговоръ іудеевъ, что если они такъ настойчивы, пусть сами распинаютъ Христа.

Страхъ и злость охватили обвинителей, увидѣвшихъ, что при такомъ ходѣ дѣла, жертва ихъ можетъ уйти изъ ихъ рукъ.

Понявъ, что прежнія обвиненія не достигнутъ цѣли, изобрѣтательные на дѣла тьмы члены Синедріона даютъ дѣлу другой оборотъ. Оставивъ на время обвинять Христа въ преступленія противъ кесаря, они ссылаются на свой законъ, по которому обвиняемый, какъ богохульникъ, долженъ быть подвергнутъ смертной казни. «Что за нужда, что ты не находишь Его достойнымъ смерти, сказали они — мы свой законъ имѣемъ, по которому Онъ долженъ быть казненъ, потому что онъ выдавалъ Себя за Сына Божія».

Но это обвиненіе произвело на Пилата такое впечатлѣніе, какого вовсе не ожидали враги Христа. Если сонъ и просьба жены, доходившіе до него слухи о чудесахъ Христа, поведеніе его предъ судомъ заставляли Пилата бояться суда надъ нимъ, то настоящія слова привели его въ страхъ. Какъ язычникъ, Пилатъ не былъ чуждъ той вѣры, что боги иногда принимали на себя образъ человѣческой и раждали полубоговъ.

Въ этомъ страхѣ онъ снова желаетъ поговорить съ Христомъ на единѣ. Оставивъ неистовствующую толпу, онъ уводитъ Христа въ судебную палату и тревожнымъ, голосомъ говоритъ Ему: «Откуда Ты?» Вопросъ этотъ касался собственно не мѣста рожденія Христа, а Его происхожденія. «Откуда Ты, жалкій Страдалецъ, съ небесъ или отъ земли? Дѣйствительно ли Ты Сынъ Божій?» какъ бы спрашивалъ Христа Пилатъ. Но Христось не отвѣчалъ ему. Онъ зналъ, что язычникъ Пилатъ не способенъ понять высокую тайну предвѣчнаго происхожденія Лица Его. Видя, что Христось не желаетъ отвѣчать ему, Пилатъ гнѣвно сказалъ: «миѣ ли не отвѣчаешь? не знаешь ли, что я имѣю власть распять Тебя, и власть имѣю отпустить Тебя?» (Ев. Іоан. 19, 10). «Не имѣлъ бы ты надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше, посему болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ» (11), съ достоинствомъ сказалъ ему Христось.

Спокойный отвѣтъ Христа напомнилъ Пилатъ ту истину, что всѣ суды земные, всѣ дѣянія человѣческія находятся подъ невидимымъ управленіемъ Судіи Небеснаго. «Власть, которой ты надо Мной хвалишься, говоритъ Христось, не твоя, а дана тебѣ свыше. Богъ, предавши народъ Свой въ рабство римлянамъ, поставилъ чрезъ это Меня предъ судомъ твоимъ и въ силу только этой власти, данной тебѣ, ты имѣешь власть надо Мною и долженъ будешь исполнить то, что предопредѣлено тебѣ, т. е., осудить

меня, ты совершишь великое преступленіе, но тотъ, кому свыше не дано было надо Мною власти, кто предалъ Меня тебѣ самовольно, большій грѣхъ имѣеть». Этотъ отвѣтъ Христа понравился Пилату. Убѣжденный въ совершенной невинности Христа, Пилатъ рѣшился Его спасти. Въ третій и послѣдній разъ вышелъ онъ на судейское мѣсто и сдѣлалъ еще одно усиліе.

Выведши Христа впередъ, Пилатъ воскликнулъ: «се царь вашъ!» Это восклицаніе еще болѣе усилило злобное настроеніе толпы, принявшей его за насмѣшку. Крики: «распни, распни Его» снова огласили воздухъ. Но въ этихъ крикахъ стали слышаться уже и угрозы Пилату. «Царя ли вашего распну»? язвительно спросилъ раздраженный Пилатъ. «Нѣтъ у насъ царя кромѣ Кесаря», отвѣчали ему. «Если ты отпустишь Его, то знай, что ты не другъ Кесарю, ибо всякій, дѣлающій себя царемъ, противникъ Кесарю» (Ев. Иоан. 19, 12), уже прямо грозила наущенная членами Синедріона мятежная толпа. При этой зловѣщей угрозѣ внезапно исчезла вся рѣшимость Пилата.

Иудейскіе политики ловко воспользовались представившимся случаемъ, чтобы пустить въ ходъ это послѣднее средство. Слова «не другъ Кесарю», сказанныя цѣлымъ Синедріономъ передъ всѣмъ народомъ, были для него ужаснѣе грима. Онъ зналъ престарѣлаго Римскаго Кесаря Тиверія, подъ скипетромъ котораго стоналъ весь Римъ. Онъ зналъ, что этотъ мрачный императоръ, не имѣя ни довѣрія, ни жалости, терзалъ и мучилъ каждого по самымъ маловажнымъ подозрѣніямъ. Къ этой опасности присоединилась еще и другая. Необузданная толпа народа, становясь часъ отъ часу мятежнѣй, теперь готова была уже на всякаго рода насилія. Пораженный ужасомъ, Пилатъ уступилъ. Онъ рѣшился предать неповинную жертву на распятіе.

Сидя на судейскомъ мѣстѣ, онъ приказалъ подать воды и, умывъ руки предъ народомъ, сказалъ: «неповиненъ я въ крови Праведника сего, смотрите вы» (Мѡ. 27, 24). Бѣдный мужествомъ судія рѣшился хоть этимъ доставить нѣкоторое успокоеніе своей совѣсти. «Кровь Его на насъ и на дѣтяхъ нашихъ», раздались крики разъяренной толпы въ отвѣтъ на эти слова Пилата.

Было вѣроятно около 9-ти часовъ, когда Пилатъ произнесъ свой окончательный приговоръ, и казнь послѣдовала тотчасъ же за осужденіемъ. Во время самаго короткаго промежутка, для совершенія необходимыхъ приго-

товлений къ казни, воины сняли со Христа багряницу и одѣли Его въ Его собственныя одежды, оставивъ лажашій на главѣ терновый вѣнецъ.

По проискавъ злобныхъ членовъ Сенедріона, Пилать приказаль распять вмѣстѣ со Христомъ и двухъ разбойниковъ.

Когда кресты были готовы, воины положили ихъ на плечи осужденныхъ и, въ сопровожденіи великаго множества народа, подѣ начальствомъ сотника, двинулись въ путь—на мѣсто казни. Открылось необыкновенное зрѣлище. Тотъ, Котораго народъ всегда слушалъ съ восторгомъ, Который повелѣвалъ всей природой, утишая бурю, исцѣляя больныхъ, воскрешая мертвыхъ, Котораго еще такъ недавно народъ встрѣчалъ крѣками: «осанна», какъ Царя Израилева, теперь шель по улицамъ Іерусалима посреди двухъ разбойниковъ, неся на Себѣ тяжелый крестъ. Страданія, внутренняя борьба въ саду геосиманскомъ, долгія томительныя сцены суда, звѣрскія мучительныя издѣвательства замѣтно сломили Его тѣлесную крѣпость. Подкашивающіяся ноги Христа ясно давали знать, что Ему не донести Своего креста до мѣста казни, которымъ была находящаяся не вдалекѣ отъ города гора Голгоѳа. Когда шествіе приблизилось къ городскимъ воротамъ, называемымъ «судными», путь сталъ подниматься на гору. Здѣсь Христось до того изнемогъ, что упалъ подѣ тяжестью креста и не могъ болѣе нести его. Чтобы устранить затрудненіе, нужно было облегчить Христа и, измѣнивъ обыкновенію, возложить крестъ на другого. Въ это время нѣкій Симонъ Киринейскій, возвращаясь съ поля, встрѣтилъ ведущую Христа стражу. Замѣтивъ на лицѣ Симона состраданіе, воины заставили его нести крестъ Христовъ. По выходѣ изъ города, взорамъ осужденныхъ и сопровождающей толпѣ явственно представилось и страшное мѣсто казни—Голгоѳа.

Распятіе на крестѣ и смерть Іисуса Христа.

Когда мѣсто казни было на виду, нѣкоторыя сопровождавшія Христа женщины были не въ силахъ болѣе сдерживать свои чувства: онѣ стали бить себя въ грудь и оглашать воздухъ плачемъ, изъявляя свою скорбь объ измученномъ и ведомомъ на казнь Христѣ. Состраданіе женщинъ тронуло Христа.

«Дщери іерусалимскія, сказалъ Онъ, обращаясь къ нимъ, не плачьте обо Мнѣ; но плачьте о себѣ и о дѣтяхъ вашихъ. Ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя, и утробы не родившія, и сосцы не питавшіе. Тогда начнутъ говорить горамъ: падите на насъ, и холмамъ: по-

кройте насъ. Ибо если съ зеленѣющимъ деревомъ это дѣлають, то съ сухимъ что будетъ» (Лук. 23, 28—31)?

Любящее сердце Христа напоминаетъ имъ о томъ близкомъ, грозномъ будущемъ, когда бѣдствія ихъ будутъ такъ велики, что несчастные пожелаютъ быть погребенными подъ развалинами горъ, разрушаемыхъ землетрясеніемъ. «Если со Мною, добавилъ Христосъ, деревомъ зеленѣющимъ, это дѣлають, съ сухимъ что будетъ»? Если Миѣ невинному не дали пощады, то что будетъ съ народомъ виновнымъ? Нѣсколько лѣтъ спустя, во время разрушенія Іерусалима, исполнилось это предсказаніе Христа!

Шестіе достигло Голговы или Лобнаго мѣста.

Такъ называлась одна изъ окружающихъ Іерусалимъ возвышенностей, на которой производились казни. Съ осужденныхъ войны сняли кресты и, положивъ на землю, стали къ вершинѣ ихъ прибивать небольшія дощечки, на которыхъ черными буквами изображены были имена и преступленія распинаемыхъ. Чтобы руки и ноги не разорвались подъ тяжестью тѣла, на срединѣ креста дѣлался выступъ, поддерживающій человѣческое тѣло.

Прибывъ дощечки, войны предложили Христу питье, состоящее изъ вина, смѣшаннаго съ смирною. Это одуряющее питье, производя помраченіе разсудка, дѣлало менѣе чувствительными страданія. Но Христосъ не принялъ его. Наконецъ, кресты были прочно утверждены. Войны, слѣдуя обыкновенію, сняли со Христа всю одежду, взяли пречистое тѣло Его и возложили на крестъ. Руки Его растянули вдоль перекладины и, наставивъ по срединѣ ладоней по гвоздю, ударами молота стали вгонять ихъ въ дерево. Затѣмъ такимъ же образомъ прибили ноги. Потоки крови лились на землю. Въ этотъ моментъ вмѣсто стонувъ и воплей, раздался голосъ Сына Божія: «Отче, прости имъ, не знаютъ они, что дѣлають». Съ мольбою къ Божественному милосердію Христосъ обращается за своихъ убійцъ. Смерть чрезъ распятіе была самая ужасная-мучительная смерть. И ее то подъялъ Христосъ! Подлѣ Христа съ правой и лѣвой стороны распяли двухъ разбойниковъ. Когда распятый Христосъ висѣлъ на крестѣ, злорадствующіе члены Синедріона впервые замѣтили, какое смертельное оскорбленіе нанесъ имъ Пилать. На прибитой надъ главою Христа дощечкѣ, вмѣсто изъясненія вины, было написано: «Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій». Надпись эта, вопреки обычаю, сдѣлана была на трехъ извѣстнѣйшихъ языкахъ древняго міра: еврейскомъ, греческомъ и римскомъ.

Хорошо понявъ, что такая надпись была поруганіемъ для нихъ самихъ,

они поспѣшили отправить къ Пилату депутацію изъ священниковъ съ просьбой измѣнить надпись въ болѣе благопріятномъ для нихъ смыслѣ. «Не пиши, просили они, Царь Іудейскій, но что Онъ Самъ говорилъ: «Я Царь Іудейскій». Но Пилатъ радъ былъ какимъ бы то ни было образомъ досадить этому ненавистному ему племени. «Что написалъ, то написалъ», гордо сказалъ онъ. Съ досадою и стыдомъ возвратилась депутація на Голгоу. Окончивъ распятіе, воины занимались дележомъ одежды распятыхъ, которая, по принятому обычаю, составляла ихъ собственность. Раздѣливъ все на четыре части, они остановились на хитонѣ, который былъ не сшить, а тканый сверху до низу. Пожалѣвъ портить эту цѣнную вещь, они бросили о ней жребій, кому достанется.

Когда возвратившаяся депутація объявила объ отвѣтѣ Пилата, раздраженные члены Синедріона старались хоть издѣвательствомъ заглушить свое оскорбленіе. Стоя предъ крестомъ, съ оскорбительной для нихъ надписью, они, при участіи буйной черни, стали всячески поносить, злословить невиннаго Страдальца: «а, разоряяй церковь и тремя днями созидай, спасися Самъ. Другихъ спасалъ, а Себя не можешь спасти; аще Царь Израилевъ, да сидеть нынѣ со креста, и вѣруемъ въ Него», съ насмѣшливой дерзостію говорили они. «Онъ уповалъ на Бога, говорили другіе, пусть же теперь избавитъ Его Богъ, если благоволитъ къ Нему. Вѣдь Онъ говорилъ, что Божій Сынъ есть».

Въ угоду начальникамъ іудейскимъ приняли участіе въ издѣвательствѣхъ надъ Христомъ и воины. Безмысленно повторяя слова священниковъ и старѣйшинъ, они говорили Христу: «если Ты Царь Іудейскій, то почему не спасешь Себя»? Впрочемъ эти насмѣшки воиновъ были плодомъ не злораднago чувства ихъ, а скорѣе слѣпого подраженія. Эти изычники не лишены были все таки сострадательности къ Распятому и, замѣтивъ по воспаленнымъ устамъ Христа Его жажду, подносили Ему то кислое питье, которымъ сами имѣли обыкновеніе утолять свою жажду.

Среди этихъ издѣвательствъ Христось безмолвствовалъ. Не смотря на всѣ поношенія черни, членовъ Синедріона, воиновъ, Онъ ни однимъ словомъ не нарушилъ своего царственнаго безмолвія.

Такое поведеніе Христа тронуло одного распятаго разбойника. Видя величавое безмолвіе Христа, слыша молитву Его за распинателей, онъ почувствовалъ укоръ совѣсти. Укоривъ своего товарища за богохульство: «ужели въ тебѣ нѣтъ страха Божія, что ты издѣваешься надъ тѣмъ, что

самъ терпишь? Но мы осуждены подѣломъ, а Онъ никакого зла не сдѣлалъ», онъ, повернувъ голову ко Христу, умиленно воскликнулъ: «помяни мя Господи, егда прійдеши во царствіи Твоемъ». Кающійся разбойникъ видитъ теперь во Христѣ болѣе чѣмъ невинно страждущаго, онъ исповѣдуетъ Его Господомъ, Сыномъ Божіимъ. Безмолвный до этого времени, Христосъ сразу отвѣтилъ на покающую мольбу его: «истинно говорю тебѣ, нынѣ же ты будешь со Мною въ раю».

Наконецъ близость великаго праздника побудила враговъ Христовыхъ оставить Голгоѳу. Мало по малу, стали они уходить отъ креста въ городъ. Обстоятельство это оказалось благопріятнымъ для почитателей Христа. Въ отдаленіи отъ креста на одной изъ возвышенностей окружающихъ Голгоѳу, стояло нѣсколько женщинъ, смотрѣвшихъ на Него съ глубокимъ состраданіемъ. Теперь, пользуясь уходомъ враговъ Христа, онѣ, постепенно приближаясь, подошли къ висящему на крестѣ Христу такъ близко, что Онъ не только могъ видѣть ихъ, но и говорить съ ними.

То были: пречистая Матерь Его, Саломія, жена Зеведея, Марія Магдалина, Марія, мать Клеопы. Подошелъ вмѣстѣ съ ними другъ и ученикъ Христовъ Іоаннъ. Томный взоръ распятаго Спасителя остановился на пречистой Матери Его. «Жено, се Сынъ твой», сказалъ Онъ, указавъ на Іоанна. Потомъ, смотря на Матерь Свою, сказалъ Іоанну: «се Матерь твоя». Сжалось сердце Матери при видѣ ужасныхъ страданій ея Сына. Оружіе, предсказанное Сумеомъ, проникло теперь всю ея душу. Чтобы скорбь ея, и теперь настолько сильная, не увеличилась еще при видѣ послѣднихъ, самыхъ сильныхъ страданій Сына, Іоаннъ немедленно уводитъ ее съ Голгоѳы. Насталъ полдень. Солнце особенно должно бы было освѣтить теперь голгоѳское зрѣлище, но случилось нѣчто совершенно необычайное. Въ полдень этого дня вдругъ настала тьма. Продолжаясь цѣлыхъ три часа, это страшное потемнѣніе полуденнаго солнца привело всѣхъ находящихся у креста въ крайнее изумленіе. Это было не обыкновенное солнечное затмѣніе, а было новое чудесное знаменіе, которое свидѣтельствовало о распятіи Сына Божія.

Въ безмолвіи и мракѣ висѣлъ на крестѣ Спаситель міра. Угасающій взоръ стремился къ небу, но оно было мрачно. Правосудный Отецъ какъ бы оставилъ Своего страдающаго за грѣхи людей Сына. «Или Или! лама савахани»? воззвалъ Божественный Страдалецъ. Но для враговъ Христа онъ послужилъ только поводомъ къ новымъ насмѣшкамъ. Оставав-

шіеся еще при крестѣ злодѣи, уловивъ первыя слова Христа и думая, что Онъ зоветъ Илію, стали кричать другъ другу: «слышите, Онъ Илію зоветъ»! Эти насмѣшки были тѣмъ язвительнѣе, что предъ пришествіемъ Мессіи іудеи ожидали пришествія Іліи. Они насмѣхались теперь, что этотъ распятый Галилеянинъ, считая все таки Себя Мессіею, зоветъ Илію, чтобы тотъ помогъ Ему.

Явилась предвѣстница близкой смерти въ распятыхъ—смертельная жажда.

»Жажду», воскликнулъ изнемогающій отъ этого мученія Христось. Подлѣ креста стоялъ на землѣ сосудъ съ кислымъ, какъ уксусъ, виномъ, составившимъ во время сильныхъ жаровъ обыкновенное питье римскихъ воиновъ. Тотчасъ одинъ изъ воиновъ напоилъ этимъ виномъ губку и, воткнувъ на трость иссопа, приложилъ ее къ устамъ Христа.

Вкусивъ нѣсколько поднесеннаго напитка, Христось громко возопилъ. «Совершилось. Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой». При сихъ словахъ божественная глава Его упала на грудь и Онъ испустилъ духъ. Такъ кончилась земная жизнь Предвѣчнаго Сына Божія, Спасителя міра.

Едва только Господь нашъ Іисусъ Христось предалъ Духъ Свой въ руки Отца, какъ открылся цѣлый рядъ знаменій. Началось сильное землетрясеніе, одинъ за другимъ слѣдовали подземные удары. Заколебались покрытыя лѣсомъ горы, заколебались обнаженные холмы, заколебался съ величественнымъ храмомъ великій городъ, колебались и стоящіе на Голгоѣѣ кресты. Колебаніе ихъ съ распятыми страдальцами, въ сумракѣ, представляло для бывшихъ на Голгоѣѣ страшное зрѣлище. Казалось, что распятые сами силятся сойти со крестовъ. Разноцвѣтная въ храмѣ завѣса, открывающаяся только разъ въ году, въ моментъ смерти Христа разодралась сверху до низу, открывъ неприступное для самихъ священниковъ Святое Святыхъ. Разсѣлись отъ дѣйствія землетрясенія скалы, отвалились закрывавшіе входы въ гробницы огромные камни, отверзлись гробы и «многія тѣла усопшихъ святыхъ воскресли и, вышедши изъ гробовъ, по воскресеніи Его, вошли во святыи градъ, и явились многимъ» (Мѡ. 27, 52—53). Эти страшныя знаменія поразили ужасомъ всѣхъ бывшихъ на Голгоѣѣ. Въмѣсто злословія и клеветы, вокругъ креста почившаго Іисуса вдругъ водворилось безмолвіе и тишина. То тамъ, то здѣсь видны были люди, которые въ раскаяніи били себя въ грудь и съ поникшими глазами и воплемъ спѣшили уходить съ Голгоѣы. Особенно пораженъ былъ такими изумительными обстоятельствами начальствовавшій надъ стражею римскій сотникъ. Въ благо-

говѣйномъ ужасѣ, стоя на Голгоѣѣ прямо противъ креста, онъ воскликнулъ: «воистину человекъ сей Сынъ Божій былъ!»

Между тѣмъ страшный день приближался къ концу. Когда разсѣялась тьма, солнце склонилось къ западу. Съ закатомъ солнца начинался уже и великій праздникъ Пасхи. Первосвященники безпокоились теперь, чтобы святость праздника не была омрачена висѣвшими на крестѣ трупами. Съ одной стороны этимъ бы нарушился законъ Моисеевъ, повелѣвавшій до захождения солнца предавать погребенію трупы казненныхъ преступниковъ; съ другой стороны, Голгоѣа для многочисленной, празднующей публики представляла бы весьма непріятное, не праздничное зрѣлище. Зная, что распятые часто жили по много часовъ въ своихъ мукахъ, они рѣшили просить Пилата, чтобы казненнымъ перебиты были голени и тѣла ихъ сняты со крестовъ. Этотъ жесткій обычай состоялъ въ томъ, что по ногамъ распятыхъ ударяли тяжелымъ молотомъ, чѣмъ всегда ускорялась, если только мгновенно не причинялась смерть. Пилатъ безъ всякаго прекословія согласился на ихъ просьбу и для исполненія приказанія отправилъ нѣсколькихъ воиновъ. Пришедши на мѣсто казни, воины перебили голени обоимъ разбойникамъ, но, подойдя ко Христу, увидѣли, что Онъ уже былъ мертвъ. Отсутствіе дыханія, померкшія глаза, висящая глава, ясно показывали имъ, что душа уже оставила тѣло Его. Не рѣшаясь мучить бездушное тѣло, они не перебили Ему голени, но одинъ изъ воиновъ, не желая оставлять никакихъ сомнѣній въ смерти, ударилъ Христа копіемъ въ бокъ и тотчасъ изъ раны Его истекла кровь и вода.

«И видѣвый свидѣтельствова и истинно есть свидѣтельство его» (Іоан. 19,35), въ азительнымъ тономъ говоритъ очевидецъ этого событія св. еванг. Іоаннъ. Солнце стояло уже на окраинѣ небосклона, близокъ былъ субботній вечеръ. Испросивъ дозволеніе перебить голени распятымъ, члены Синедриона не замедлили сдѣлать распоряженіе о снятіи послѣ смерти распятыхъ жертвъ со крестовъ. Для погребенія казненныхъ преступниковъ назначены были два лежавшія близъ Іерусалима кладбища, одно для казненныхъ лишеніемъ головы, другое для побитыхъ камнями и повѣшенныхъ.

Но тѣло Христа оставалось на крестѣ, потому что одно весьма важное лицо отправилось къ Пилату просить позволенія снять Его для погребенія по собственному усердію. Это былъ Іосифъ Аримаѣйскій.

Очень богатый, возвышенной души и безупречной жизни человекъ,—онъ былъ значительнымъ лицомъ въ Іерусалимѣ и принадлежалъ къ числу пер-

вѣйшихъ членовъ Синедріона. Ожиданіе царствія Божія, которое должно было открыться съ пришествіемъ Мессіи, сблизило его со Христомъ и, не смотря на то, что онъ былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ Синедріономъ, Іосифъ сдѣлался, хотя тайнымъ, но искреннимъ Его ученикомъ. Скорбное извѣстіе о смерти Христа вдохнуло въ него мужество. Презирая стыдъ и опасность, онъ твердо рѣшился теперь оказать Христу послѣдній долгъ уваженія и любви.

Едва только первосвященники вышли изъ преторіи съ дозволеніемъ перебить голени распятымъ, Іосифъ явился туда и сталъ просить тѣла Іисусова. Зная по опыту, что распятые живутъ гораздо дольше, Пилать удивился такой скорой смерти Христа. Чтобы убѣдиться въ справедливости этого извѣстія, онъ призвалъ стоящаго у креста сотника и спросилъ его: «развѣ уже онъ умеръ»? Затѣмъ услышавъ утвердительный отвѣтъ, повелѣлъ отдать Іосифу тѣло Іисусово. Получивъ позволеніе, Іосифъ, купивъ кусокъ дорогаго тонкаго полотна, тотчасъ поспѣшилъ на Голгоѳу. Въ это же время явился на Голгоѳу и другой тайный ученикъ Христовъ—Никодимъ. Примѣръ Іосифа возбудилъ въ душѣ его подобное же чувство мужества. Такъ какъ до наступленія субботняго вечера оставалось немного времени, то эти друга Христа немедленно приступили къ снятію тѣла Христова со креста. Два члена Синедріона, два лица, уважаемыя въ цѣломъ народѣ и по богатству, и по званію, и по личнымъ достоинствамъ, теперь снимали со креста своими руками тѣло, которое Синедріонъ выставилъ въ предметъ общаго презрѣнія. Шагахъ въ ста отъ мѣста распятія находился принадлежавшій Іосифу садъ. Въ этомъ саду въ одной изъ скалъ высѣчена была, по приказанію Іосифа, пещера для погребенія.

Прекрасно устроенная, она имѣла видъ просторной высокой комнаты и предназначалась Іосифомъ для самого себя. Теперь эту-то пещеру онъ не поколебался предоставить въ жилище Христу.

Принесши пречистое тѣло Господа съ Голгоѳы въ садъ, Іосифъ и Никодимъ занялись Его погребеніемъ. Омывъ чистою водою и осыпавъ благовоніями, они обвили Его купленнымъ Іосифомъ тонкимъ полотномъ, роскошно улаженнымъ ста литрами смирны и алая, принесенными Никодиномъ. Затѣмъ обвивъ узкимъ полотенцемъ лицо и голову Христа, благоговѣнно положили Его въ этой пещерѣ, заваливъ изъ предосторожности входъ въ нее огромнымъ камнемъ.

Наступилъ великій праздникъ. Присутствовавшія у креста Марія Маг-

далина и Марія Іаковлева смотрѣли, какъ и гдѣ погребали Господа.

Предписанный закономъ строгій покой великаго дня Пасхи не прекратилъ однако злобной дѣятельности враговъ умершаго и погребеннаго Христа. Имѣя въ виду носившіеся въ молвѣ предсказанія о Его воскресеніи, помня изреченіе Его касательно храма, который Онъ хотѣлъ воздвигнуть въ три дня, первосвященники и книжники опять явилась къ Пилату. «Мы вспомнили, говорили они, что этотъ лстець, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней Я воскресну. Итакъ прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго». Привыкши дѣйствовать нечисто, Каіафа и клеветы его вообразили, что ученики Іисусовы, по минованіи субботы, не преминутъ воспользоваться подсынымъ предсказаніемъ и, пользуясь погребеніемъ Его въ саду Іосифа, унесутъ тѣло Христа изъ гроба, сказавъ народу, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ. Такая назойливость надоѣла Пилату.

Коротко и высокоумно онъ позволилъ имъ дѣлать все, что угодно. «Имѣете кустодію», сказалъ онъ, «подите стерегите гробъ, какъ знаете». Тогда, взявъ нужное число воиновъ изъ храмовой стражи, уполномоченные Синедріона отправились въ садъ Іосифовъ. Осмотрѣвъ внутренность погребальной пещеры, увѣрившись въ цѣлости тѣла Іисусова, они поставили стражу и, приваливъ камень, ушли, запечатавъ для большей безопасности печатью Синедріона самый входъ.

Осталась при гробѣ стража, а во гробѣ лежалъ Предвѣчный Сынъ Божій, Спаситель міра.

(Продолженіе впродъ).

Дѣло сотни Сѣрова подѣ Иканомъ.

(Изъ исторіи завоеванія Туркестанскаго края).

«Претерпѣвый до конца, сей спасенъ будетъ»
(Мрк. 13. 13).

Изъ многихъ славныхъ дѣлъ, совершенныхъ нашими войсками при покореніи Туркестана, особенно яркой звѣздой блеститъ дѣло сотни Сѣрова подѣ Иканомъ. Главный герой его недавно сошелъ въ могилу ¹⁾; (тогда туркестанцы впервые горячо молились объ упокоеніи его души). Пройдутъ еще многіе годы, но память объ его подвигѣ не изгладится, всегда будетъ предметомъ удивленія и примѣромъ необыкновеннаго мужества, храбрости и стойкости, проявленныхъ его сотней, — въ назиданіе будущихъ бойцовъ.

Дѣло это было въ 1864 году. За полгода передѣ этимъ нашими войсками былъ взятъ городъ Ташкентъ.

Чтобы изгнать изъ него русскихъ, регентъ Кокандскаго ханства Алимкулъ рѣшился внезапно напасть на городъ, укрѣпленія котораго были не вполне исправлены.

Онъ рассчитывалъ при этомъ на содѣйствіе жителей и громадное численное превосходство своего войска: у него было около 10,000, русскихъ же въ городѣ всего 2¹/₂ роты, нѣсколько орудій, да сотня казаковъ. 4-го декабря передовыя части Алимкула тайкомъ дошли до селенія Икана, верстахъ въ 20-ти отъ г. Туркестана, а на слѣдующій день и все войско подступило-бы къ городу и напало-бы на гарнизонъ города внезапно, какъ снѣгъ на голову. Сотня Сѣрова разбила весь этотъ планъ. Сотня эта 4-го декабря была выслана и. д. коменданта города для осмотра мѣстности и для уничтоженія шакъ непріятеля, котораго, предполагалось, въ окрестностяхъ не болѣе 400 человекъ. Въ сотнѣ было: 2 офицера, 5 урядниковъ, 98 казаковъ, 4 артиллериста, фельдшеръ, фурштатъ и горный единорогъ.

Подвигаясь впередъ, сотня къ вечеру подошла къ Икану, около котораго были видны огни. Это были огни непріятеля, который давно замѣтилъ сотню и слѣдилъ за ней. Казаки спѣшили, оградили себя заваломъ изъ мѣшковъ съ провіантомъ и фуражемъ; коней помѣстили въ среднемъ, а

¹⁾ Василій Иродіоновичъ Сѣровъ умеръ въ 1891 г. 14 іюля, въ чинѣ генераль-лейтенанта; послѣ Икана участвовалъ въ дѣлахъ подѣ Ташкентомъ, Самаркандомъ и др. По окончаніи походовъ былъ призванъ мирнымъ устройтедемъ и администраторомъ покореннаго края. Умеръ въ своемъ хуторѣ, кармановской станицы, Уральскаго казачьяго войска.

сами залегли по окружности. Едва успѣли они принять это оборонительное положеніе, какъ кокандцы массами двинулись на нихъ, сначала тихо, а потомъ вскачъ, съ гиканьемъ. Казаки дружно встрѣтили натискъ мѣткимъ ружейнымъ огнемъ и картечью единорога.

Храбрые казаки просились ударить въ штыки, но имъ этого не позволили. Озадаченный неожиданнымъ отпоромъ, потерявшій сразу много убитыми и ранеными, непріятель отхлынулъ прочь. Но вслѣдъ за тѣмъ съ новою яростію, съ криками «алла» кокандцы кинулись на горсть храбровъ. Картечь единорога и дружный огонь казаковъ опять охладили ихъ пылъ. Тогда кокандцы прекратили нападенія на время, остановились на ночь вблизи и развели костры. Казаки могли передохнуть. Отступать ночью было рискованно; рѣшили ждать выручки изъ Туркестана, куда была слышна пальба. Получше сградились мѣшками и трупами убитыхъ лошадей. Чтобы скрыть свою малочисленность, единорогъ передвигали и стрѣляли съ разныхъ сторонъ. Между тѣмъ непріятель открылъ навѣсный огонь изъ орудій; гранаты падали близко и били осколками: первая же граната убила нѣсколько лошадей; 4 казака были контужены; не мало было помято ружей. Пользуясь темнотою ночи, кокандцы старались незамѣтно подпалзывать къ отряду, чтобы потомъ броситься на казаковъ. Но безуспѣшно. Благодаря тонкому слуху и острому зрѣнію казаковъ, воспитанныхъ среди безконечныхъ равнинъ, они чутко прислушивались ко всякому шероху, звуку, вглядывались въ темноту и парализовали каждую попытку кокандцевъ. Безконечно долго тянулась ночь среди орудійной и ружейной пальбы, среди напряженнаго вниманія, но казаки духомъ не падали, убѣжденные въ своемъ превосходствѣ надъ противникомъ, какъ-бы онъ не былъ многочисленъ и золь. Старые и опытные поддерживали и ободряли новичковъ. Наконецъ прошла и долгая ночь. Наступившее утро доставило лишь одно облегченіе: видѣли, что дѣлается у противника, который не могъ уже напасть внезапно.

Кононада продолжалась. Казаки однако приберегали пули, зря не трогали выстрѣловъ, а лишь на самой близкой дистанціи; только сохранивъ патроны, они были увѣрены, что удержать противника на почтительномъ разстояніи. Стрѣляли по отдѣльнымъ смѣльчакамъ, которые иногда небольшими партіями подсакивали къ отряду и не одинъ изъ нихъ поплатился за попытку похвастаться своею удалію и отвагой предъ своими товарищами. Казацкіе пули находили также и начальниковъ, насколько ихъ можно было

замѣтить по расшитымъ халатамъ, богатымъ сѣдельнымъ уборамъ; подъ самимъ Алимкуломъ подбили лошадь. Огонь противника, особенно артиллерійскій, все болѣе и болѣе усиливался. Нашъ-же единорогъ безмолствовалъ: послѣ 8-го выстрѣла сломалось колесо; приладили было колесо отъ заряднаго ящика, но оно плохо подошло, да и снаряды берегли. Въ отрядѣ стали показываться раненные. Такъ тянулся одинъ часъ за другимъ въ мучительномъ ожиданіи выручки.

Между тѣмъ видно было, что толпы противниковъ вдругъ потянулись на сѣверъ: это онѣ пошли къ Туркестану. Вотъ движеніе среди непріятеля какъ-бы усилилилось... чу! издалека отъ города донесся гулъ орудійнаго выстрѣла... что это такое? Идетъ-ли выручка, или же началась стрѣльба со стѣнъ Туркестана по подступившимъ кокандцамъ? Разныя чувства волновали храбрецовъ, заброшенныхъ среди непріятеля. Опять выстрѣлъ, и какъ будто слышишь, ближе,—ясно, что это идетъ выручка! Все ожило, встрепелось; каждый чувствовалъ, что онъ не покинуть, что товарищи идутъ выручать его изъ бѣды.

Всѣ напряженно ждали, что вотъ — вотъ изъ-за пригорка покажутся знакомые штыки, посматривали въ ту сторону, не спуская глазъ и съ непріятеля. Но стрѣльба стала затихать, какъ будто даже и отдаляться; и затѣмъ... затихла. Значить, выручка не дошла,—вѣрно заключили казаки. Огромная толпа кокандцевъ стянувшіяся къ городу, быстро окружили высланный изъ города отрядъ съ 2 орудіями, и своею массою заградили путь и недопустили его до сотни какихъ-нибудь версты за 3 или 4. Сжатый со всѣхъ сторонъ, храбро отбиваясь, отрядъ повернулъ назадъ, преслѣдуемый до самаго города торжествующимъ врагомъ. Послѣдній появился почти въ самомъ городѣ, и звуки трубъ его слышались даже въ цитадели, куда свезены были семейства всѣхъ. Каждый съ грустью сознавалъ, послѣдствія этой неудачи: тамъ вдали, около Икана, попрежнему должна бороться одна одинокая сотня, и что ей теперь еще труднѣе, еще безотраднѣе. Но казаки духомъ все-же не упали; какъ прежде, прямо и смѣло взглянули они въ лицо смерти, рѣшились дорого продать свою жизнь, а живыми въ руки на посрамленіе бусурманамъ не даваться. А кичливый Алимкулъ шлетъ записку «на татарскомъ діалектѣ»: «куда теперь уйдешь отъ меня? Отрядъ, высланный изъ Азрета (Туркестана) разбитъ и прогнанъ назадъ; изъ тысячи твоего отряда (видно Алимкулъ каждого казака считалъ за десятерыхъ) не останется ни одного. Сдайся и прими нашу вѣру; никого не обижу».

Это обидное предложеніе измѣнить вѣрѣ отеческой только укрѣпило казаковъ въ твердой рѣшимости постоять за себя. Лучше смерть, чѣмъ позоръ. Получивъ отказъ, Алимкуль рѣшился хитростью сломить упорство казаковъ. Изъ сотни замѣтили какое-то движеніе у непріятеля: подвозили на арбахъ камышъ, мелкій лѣсъ, хворостъ... Казаки стали догадываться, что наконецъ задумывается «идти подкатомъ», прикрываясь арбами.

Но скоро наступила темнота, скрывшая станъ непріятельскій, а затѣмъ и другая ночь, столь-же томительная, какъ и первая. Невеселыя думы навѣвала она на казаковъ, укрывавшихся за своими завалами отъ обложившаго ихъ врага. И не на эту слабую преграду надѣялись казаки, еслибы непріятель вдругъ вздумалъ подъ прикрытіемъ ночи штурмовать ихъ, а на свою удалъ и силу казацкую. Но казаки уже два дня не пили и не ѣли, двѣ ночи не знали сна и отдыха, начала гнуться казацкая сила, да и патроны приходили къ концу. Тогда сотникъ Сѣровъ рѣшилъ послать о себѣ вѣсти въ городъ. Нѣсколько смѣльчаковъ вызвались на это трудное дѣло, сѣли на коней и скрылись въ темнотѣ, но скоро вернулись, наткнувшись на разъѣздъ. Не легко было пробраться среди рыскавшихъ партей кокандцевъ, когда всюду горѣли огни, стояли пикеты и ходили разъѣзды. Отправились второй разъ, и Богъ помогъ казакамъ. Словно выходы съ того свѣта появились они предъ стѣнами города и подали вѣсти изъ отряда: записку Сѣрова ¹⁾ и письмо Алимкула.

Снаряжена была вторично выручка, которая и выступила изъ города въ часъ дня 16-го числа. Въ отрядѣ Сѣрова утромъ этого дня замѣтили, что въ непріятельскомъ станѣ за ночь появились огромные связки хвороста и камыша въ видѣ большихъ валовъ, въ разныхъ мѣстахъ, чтобы ихъ было удобнѣе накатывать; насчитывалось 16 подвижныхъ щитовъ и арбъ. Вчерашняя догадка оправдалась: дѣйствительно, «подкатомъ» задумали идти Кокандцы. За этими сооруженіями они были безопасны отъ казацкой пули. Съ 7-ми часовъ утра уже закипѣлъ отчаянный бой. Ожесточенный противникъ стрѣлялъ часто и мѣтко, постепенно подвигаясь къ казакамъ съ трехъ сторонъ. Къ часу дня всѣ лошади были перебиты, 37 человекъ убито, много переранено. Четыре раза бросались кокандцы въ рукопашную, од-

¹⁾ Въ запискѣ, написанной карандашомъ, въ подлинникѣ хранящейся въ Ташк. историч. музее, сказано всего: «Полковникъ, присылайте скорѣе помощь, близъ Ивана на самой дорогѣ окружены кокандцами въ большемъ весьма разнѣрѣ».

нако были отбиты. А помощи казакамъ въ этомъ трудномъ неравномъ бою все еще не было слышно изъ города. Не находя больше силъ сдерживать своимъ огнемъ все тѣснѣе и ближе наступавшаго врага, храбрецы рѣшались на отчаянное дѣло: пробиться къ городу, или же пасть въ открытомъ бою. И вотъ горсть героевъ, заклепавъ злопослучный единорогъ, переломавъ ненужныя ружья, какъ раненый левъ, выскочила изъ-за своихъ заваловъ. Кокандцы были просто ошеломлены, но скоро увидѣли, что вмѣсто тысячи русскихъ—было лишь нѣсколько десятковъ, и съ дикими криками ринулись за кучкой храбрецовъ, другіе густыми колоннами старались загородить путь. Мѣткій огонь казаковъ однако осаживалъ ихъ. Сарбазы (стрѣлки) въ свою очередь со всѣхъ сторонъ начали разстрѣливать пробиравшихся уральцевъ. И вотъ, когда кто-либо изъ этихъ героевъ, истекая кровью и лишаясь послѣднихъ силъ, падалъ на землю, то, какъ звѣри лютые, съ неистовыми криками бросались кокандцы на свою безпомощную жертву и на глазахъ всѣхъ рубили. Голову спѣшили отрѣзать, чтобы скорѣе представить начальству, какъ доказательство своей храбрости и удалства, достойныхъ награды. И казаки награждали кокандцевъ за ихъ «доблесть»: не одинъ изъ такихъ «героевъ» рядомъ съ своимъ кровавымъ трофеемъ слагалъ и свою голову, пораженный мѣткимъ выстрѣломъ товарища. Потомъ уже вѣ выстрѣловъ казачьихъ, враги свободно насмѣхались и надругались надъ обезглавленными трупами. Все тяжелѣе и тяжелѣе становилось отступающимъ, когда тотъ или другой, выбившись изъ силъ, истекая кровью, или подбитый въ ноги, падалъ въ изнеможеніи... Прощай товарищ! и каждый крѣпче сжималъ винтовку, чтобы послать пулю кокандцу, наскაკивающему на упавшаго казака. Движеніе все болѣе и болѣе замедлялось, многіе еле передвигали ноги; пройдя три часа, казаки отошли всего на 8 верстъ. Бойцевъ становилось все меньше и меньше; чѣмъ далѣе, тѣмъ число раненыхъ становилось больше, многіе получили по двѣ, по три раны и болѣе; много вели подъ руки, чтобы какъ-нибудь спасти товарища. Кровавый слѣдъ, поломанныя ружья, да трупы—обозначали страшный путь уральцевъ. Тутъ погибъ одинъ изъ офицеровъ (Абрамичевъ). Когда первая пуля ударила въ високъ,—онъ пошелъ подъ-руку; вторая ударила въ бокъ,—онъ еще продолжалъ идти, пока пули разомъ не хватили въ обѣ ноги, тогда онъ упалъ. «Рубите скорѣе голову, не могу идти», только могъ выговорить онъ послѣднюю просьбу. Послѣ, собирая растерзанные трупы, едва узнали его—по окровавленному клочку кармана.

Такъ продолжалось отступленіе. Начинало уже темнѣть; всякій напрягалъ послѣднія силы, отбивался и шель... А ужъ помощь была близко къ многострадальной сотнѣ. Вотъ послышалась ружейная стрѣльба; скоро толпы кокандцевъ отхлынули прочь въ разныя стороны, какъ хищные волки при приближеніи охотника: на пригоркѣ въ полуверстѣ показались бѣгущіе навстрѣчу солдаты. Велика была общая радость! Всѣ горячо творили крестное знаменіе, обнимались, цѣловались. Съ окончаніемъ дѣла воодушевленіе, поддерживавшее бойцовъ, исчезло, а съ нимъ и силы,—ослабѣвшихъ героевъ повзели на высланныхъ подводахъ. Раненые были помѣщены въ лазаретъ, откуда многіе не вернулись уже на берега родного Урала... А дѣлымъ отъ ранъ оказался какимъ-то чудомъ казакъ (Черновъ)—одинъ изъ всѣхъ. Изъ двухъ офицеровъ одинъ былъ убитъ, другой—командиръ сотни—раненъ въ грудь и контуженъ въ голову; пальто его было прострѣлено въ 8 мѣстахъ; изъ 5 урядниковъ—4 убито, а 1 раненъ: изъ 98 казаковъ—50 убито, 36 ранено, 4 артиллериста ранены, фельдшеръ и фурштатъ убиты; нѣкоторые имѣли по 5 и 6 ранъ; у урядника (Борисова) 37 ранъ. — Тяжелая задача выпала на долю уральцевъ, но они честно и съ большою пользою выполнили свой долгъ: обнаружили врага, на свою грудь приняли всѣ его удары, трехдневнымъ боемъ задержали его и дали время укрѣпиться гарнизону Туркестана.

Далеко среди невѣрныхъ разнеслась молва о непоколебимой доблести русскихъ чудо-богатырей, солдатъ русскаго Бѣлаго Царя. А впереди этимъ чудо-богатырямъ предстояли еще большія дѣла: подъ Чимкентомъ, Ташкентомъ, Джизакомъ, ждали своей очереди Самаркандъ, Геокъ-тепе, Махрамъ у многіе др. города и крѣпости, надъ которыми и взвился побѣдный двуглавый орелъ.

Мы не будемъ перечислять тѣ Царскія награды и отличія, которыя получили всѣ участники славнаго дѣла, оставшіеся въ живыхъ; за Царемъ служба не пропадаетъ, какъ и за Богомъ молитва. Что-же до умершихъ, то имъ кромѣ молитвы больше ничего и не надобно. Надъ ихъ общей братской могилой и была тогда-же совершена эта молитва. Они счастливы: (мы вѣруемъ, что) они—праведныя жертвы долга—увѣнчаны теперь мученическимъ вѣнцемъ отъ Царя Славы.

На полѣ битвы надъ ихъ костями возвышается обнесенный орудіями и цѣпями, памятникъ, пирамидальной формы, съ великимъ христіанскимъ сим-

воломъ страданій и побѣды, и надписью: «памяти воиновъ павшихъ подъ Иканомъ въ 1864 году».

Помянемъ товарищей, павшихъ въ бою,
Подъ Иканомъ жизнь положившихъ свою,
«Увѣнчанныхъ доброю славою.

И вспомнивъ о нихъ, позавидуемъ имъ,
На вѣки засыпанныхъ прахомъ земнымъ.

— И всѣ мы поляжемъ въ грядущіе дни,
Какъ въ старые годы ложились они,
Свершая дѣла исполинскія».

(Р. К.)

Ташкентскаго в. собора Священникъ А. Б. 1).

1) По описанію М. Хорошхина: «Дѣло подъ Иканомъ»,—по рапорту (дубликату) начальника Уральской казачьей сотни, № 372, Эсаула Строва,—донесенію подпоруч. Суворки (посланнаго на выручку) за № 19 отъ 8 дек. 1864 г. и вѣдомости старш. лекаря.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ИЗДАНИЕ

„БОЖІЯ НИВА“

ТРОИЦКІЙ СОВЕСѢДНИКЪ ДЛЯ ЦЕРКОВНОПРИХОДСКИХЪ ШКОЛЪ

въ 1904 году.

Съ Божіей помощью будетъ продолжаться по той же программѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ текущемъ году.

«Божія Нива» имѣетъ цѣлю: оказывать нравственную поддержку всѣмъ, кто трудится въ церковноприходскихъ школахъ въ великомъ дѣлѣ воспитанія дѣтей народа въ духѣ христіанскаго благочестія и родныхъ преданій старины; дать этимъ труженикамъ возможность обмѣниваться мыслями по тѣмъ вопросамъ, которые особенно тревожатъ ихъ христіанскую совѣсть; показывать на фактахъ, какъ велико и свято то дѣло, коему они служатъ,

какъ и чѣмъ проявляетъ себя это дѣло въ жизни, какъ въ самой школѣ, такъ и внѣ ея; въ чемъ состоитъ тотъ идеаль, къ коему должна быть направлена вся ихъ будничная работа. «Божія Нива» стремится указать, при помощи Божіей, тѣ пути и средства, коими воздѣлывается добрая по природѣ своей нива дѣтскаго *сердца*. Теплое сочувствіе, съ какимъ повсюду встрѣчено было наше скромное изданіе, и постоянно увеличивающееся, по мѣрѣ ознакомленія съ нимъ, число читателей, даютъ намъ увѣренность, что труженики народныхъ школъ находятъ въ немъ то, что такъ благо- необходимо для нихъ особенно въ наше время, время всякихъ тлетворныхъ вѣяній не только въ области педагогики, но и вообще въ религіозной жизни современнаго общества.

Училищнымъ совѣтомъ при Св. Синодѣ изданіе одобрено для выписки въ бібліотеки церковныхъ школъ.

Въ составъ программы сего изданія входятъ слѣдующіе отдѣлы:

I. Церковь и школа. II. Семья и школа. III. Школа и народная жизнь. IV. Школа какъ воспитательница эстетическаго чувства. V. Посты и всходы: Лѣтопись церковныхъ школъ. VI. Переписка нашихъ читателей. VII. Приложенія: «Зернышки Божіей Нивы. Троицкое чтеніе для дѣтей». (12 №№ въ годъ).

Объемъ изданія—отъ 1 до 3-хъ печатныхъ листовъ.

Сроки выхода—12 разъ въ годъ.

Годовая подписка съ приложеніями Одинъ рубль съ перес.

Подписка на текущей годъ продолжается. Новые подписчики получаютъ всѣ вышедшіе номера, начиная съ 13-го, за 1 р. Первый томъ «Божіей Нивы» (1—12 1902 года) можно получать безъ переплета за 1 р. 10 к., а въ коленкоромъ переплетѣ за 1 р. 75 к. съ пересылкою. Зернышки можно получать по 5 к. за книжку безъ пересылки и по 7 к. съ пересылкою, а при требованіи на 1 р. высылаются 20 книжекъ.

АДРЕСЪ: Сергіевъ посадъ, Моск. губ., въ Редакцію «Божіей Нивы».

Вышла въ свѣтъ книга

ПРОПОВѢДИ

НА

НѢКОТОРЫЕ ПРАЗДНИЧНЫЕ И ВОСКРЕСНЫЕ ДНИ.⁶²

извѣстнаго богослова и проповѣдника, доктора богословія, протоіерея Сергіевскаго всей Артиллеріи собора

Сергія А. СОЛЛЕРТИНСКАГО.

Цѣна 1 руб. съ пересылкою. Приобрѣтать можно у автора, Литейный проспектъ, домъ № 25.

Книгоиздательствомъ Маркса только что выпущена въ двухъ томикахъ (съ 100 рисунками и картой) хорошо составленная З. А. Рагозиною

КРАТКАЯ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНѢЙШИХЪ НАРОДОВЪ.

Хотя изданіе, посвященное Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Великимъ Княжнамъ Ольгѣ и Татіанѣ Николаевнѣ, и предназначено для пользы весьма юнаго поколѣнія, но интересъ предмета и отчасти новизна сгруппированныхъ данныхъ (наука каждагодно проливаетъ на эту область все новые лучи) несомнѣнно привлекутъ къ изящно отпечатаннымъ книжкамъ также вниманіе и симпатіи взрослыхъ.

Цѣна 60 коп. въ переплетѣ, съ пересылкою 75 коп.. С. Петербургъ, улица Гоголя, д. № 22.

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО ГУРЗУФЪ

имѣя большіе запасы

НАТУРАЛЬНОГО ЦЕРКОВНАГО ВИНА,

которое съ 1901 года приобрѣтаетъ покупкою Александро-Невская лавра, С. Петербургскій Епархіальный свѣчной заводъ и епархіи Московская, Таврическая, Костромская и нѣкоторыя другія, предлагаетъ поставлять вино въ церкви военно-морского вѣдомства на слѣдующихъ условіяхъ:

1) Вино будетъ отпускаться по цѣнѣ: бутылки—1 руб. 10 коп., 95 коп. и 75 коп., со скидкою десяти процентовъ,—изъ магазиновъ Общества:

а) въ С.-Петербургѣ по Надеждинской № 1 и

б) въ Москвѣ на Тверской, въ розницу по требованіямъ церквей съ выдачею квитанцій, съ указаніемъ въ нихъ количества бутылокъ взятаго вина и сорта онаго.—Къ квитанціямъ должна быть приложена печать.

Въ иногородныя церкви вино можетъ доставляться по той же цѣнѣ, на станцію желѣзной дороги, но ящиками въ 50 бутылокъ и притомъ не въ зимнее время, дабы вино не замерзло.

2) Расчетъ за полученное церквами вино производится каждые два мѣсяца, согласно представляемымъ Правленіемъ Общества счетамъ, съ приложеніемъ подлинныхъ квитанцій, выданныхъ церквами въ полученіи вина.

Уплата денегъ производится не позднеѣ двухъ недѣль съ дня представленія счета.

Уполномоченный Акціонернаго Общества Гурузуфъ,
отставной генералъ-маіоръ Ростиславъ Антоновичъ Рейнбоксъ.

Содержаніе. О сборѣ въ недѣлю Православія на распротр. христ. вѣры между язычниками Имперіи.—Изъ приказа по войскамъ 19-го армейскаго корпуса.—Заявленіе добр. чувствъ паствы къ своему пастырю.—Бесѣда о воспитаніи дѣтей.—Жизнь Спасителя нашего Господа Иисуса Христа (Продолженіе).—Дѣло сотни Сѣрова подъ Иканомъ.—Объявленія.

Редакторъ, Прот. *Іоаннъ Таранецъ.*

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
С.-Петербургъ, 7-го Ноября 1903 года

Цензоръ, Архимандритъ *Меводій.*

Типографія «Артиллерійскаго Журнала», Фурштатская, № 21.